

ОБРАЗ КРЕВСКОЙ УНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Максим Е. Мегем

Doktorantas
Baltijos federalinis I. Kanto universitetas
El. paštas: megem@yandex.ru

Резюме. В статье анализируется образ Кревской унии, присущий российской дореволюционной историографии XIX – начала XX вв., т. е. то, как исследователи воспринимали польско-литовский договор 1385 г., в своих работах. Историография Кревской унии рассматривается на фоне эволюции подходов российских ученых к прошлому Литвы.

Значительные слова: Кревская уния, дореволюционная русская историография.

Keywords: Union of Krewo, russian pre-revolutionary historiography.

Историография Великого княжества Литовского – одна из новомодных тем в российской отечественной медиевистике. Данной теме посвящено множество исследований, однако в историографии княжества еще остаются лакуны.

В статье анализируется российская историография. Предмет интереса – образ Кревской унии в контексте литовско-русского прошлого в трудах русских историков XIX–XX вв., т. е. то, как исследователи воспринимали польско-литовский договор 1385 г. в своих работах.

Кревская уния в историографии первой половины XIX в.

Исторический климат в «большой» России¹ в первой половине XIX в. не

благоприятствовал появлению работ, посвященных прошлому средневековой Литвы. В это время к истории ВКЛ исследователи обращаются только для характеристики отношений между русскими княжествами и Литвой. При этом в их трудах практически отсутствует информация о событиях, происходивших на территории литовских земель. Вследствие такого подхода, Литва и литовцы воспринимаются авторами именно сквозь призму русско-литовских взаимоотношений. Такой формат анализа определял параметры конструирования основополагающего для российской исторической мысли первой половины XIX в. сюжета литовского прошлого о

¹ Сочинения дореволюционных литовских и польских ученых не включаются в поле исследова-

ния, так как они представляют другую историографическую культуру, в которой рисуется совершенно иная картина литовского прошлого.

«бедной» и «дикой» Литве, которая в XII–XIII вв. становится разбойником, нападающим и грабящим «наши земли», а в XIV в. оказывается захватчиком, подчиняющим себе русские территории².

По этой причине Кревская уния 1385 г. не вызывает особого интереса у историков «александровской» и «николаевской» эпох. К событиям, связанным с заключением первой польско-литовской унии, ученые обращаются исключительно в контексте анализа последствий Кревской унии, которые воспринимаются в негативном свете. Так, Н. М. Карамзин отмечает, что после 1385 г. литовский князь «Ягайло, дотоле покровитель греческой веры, сделался её гонителем»³. С ним соглашается М. П. Погодин, который пишет о преследованиях «исповедников Греческой церкви»⁴. С. М. Соловьев уделяет особое внимание борьбе Юго-Западной Руси с Польшей. Уния для него – это «несчастливая связь Литвы и Западной России с Польшею»⁵. Литовцы в результате династического союза с поляками из привилегированного класса превращаются в «придаток»⁶, а русские, проживающие на территории ВКЛ, теперь вынуждены бороться с Польшей за сохранение своей народности⁷. Н. А. Полевой изображает литов-

ского правителя Ягайло, принявшего решение о подписании Кревской унии, как недействительного, нерешительного и малодушного властителя, «без славы» царствовавшего в Польше. Он показывает, что польско-литовское соглашение оказалось невыгодным именно Польше и Литве, так как последовавшее после унии соперничество между православными и католиками облегчило «завоевание в Литве Иоанна III», а польская «ревность» к католичеству в итоге способствовала присоединению Малороссии к Российскому государству⁸.

Таким образом, уже в сочинениях первых русских историков, пишущих о Литве, закладываются основы сюжета, в рамках которого Кревская уния истолковывается как негативное явление, повлекшее за собой борьбу русских с поляками, православных с католиками. Тем не менее, значение Кревской унии для авторов первой половины XIX в. не так велико, как для последующих исследователей. Это можно объяснить тем, что в их трудах прошлое Литвы воспринимается как «чужое», поэтому трансформация вектора литовской истории, колебание маятника прошлого Литвы, не вызывает большого интереса у исследователей.

Альтернативный дискурс литовской истории начал выкристаллизовываться после первого Польского восстания 1830–1831 гг. Осмысление причин «польского бунта» и участия в нем литовцев побудило по-новому трактовать историю Литвы, представив ее прошлое как «наше». Первым таким трудом,

² Более подробно об этом в статье: М. Е. Мегем, 2011, с. 50–54.

³ Н. М. Карамзин, 2003, с. 387.

⁴ Погодин М. П., *Начертание русской истории для гимназий*, М.: Университетская типография, 1837, с. 124.

⁵ Соловьев С. М., *Общедоступные чтения о русской истории*, М.: Республика, 1992, с. 227.

⁶ *Ibid.*, с. 228.

⁷ Соловьев С. М., *История России с древнейших времён, т. I*, М.: Университетская типография (Катков и К), 1874, с. 7.

⁸ Полевой Н. А., *История русского народа*, Т. 5., М.: тип. Августа Семена, при Мед.-хирург. акад., 1833, с. 161, 164–165, 167.

включившим прошлое Литвы в русскую историю, стала работа петербургского историка Н. Г. Устрялова «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?», опубликованная в 1839 г.⁹

ВКЛ в трудах Н. Г. Устрялова впервые в российской отечественной исторической науке изображалось не как «враг» и «противник» Московского государства, а как один из центров собирания раздробленных русских территорий. ВКЛ было таким же русским государственным образованием, как и Московское княжество, законно претендующим на наследство Киевской Руси. Конкуренция между двумя центрами, Вильно и Москвой, должна обязательно закончиться объединением, слиянием княжеств в одно целое¹⁰.

В концепции «Русской Литвы» Н. Г. Устрялова Кревская уния являлась точкой исторического излома, после которой «священному залогу народности» в совместном литовско-русском государстве стали угрожать поляки. Кревская уния в глазах автора – случайное обстоятельство, которое было вызвано стремлением Польши помешать консолидации Западной и Восточной Руси¹¹. Для всего русского в княжестве это соединение оказалось «тягостным игом», «плотой язвой»¹², борьба с

которыми, продолжавшаяся двести лет, закончилась Люблинской унией, то есть окончательным слиянием Польши и Литвы, и, как следствие – потерей Западной Русью своей национальности¹³. Но польское «иго» и «язва» лишь на время могут задержать исторически предначертанное объединение «семьи» – Западной и Восточной Руси¹⁴. Народ Западной Руси «свято сохраняя закон прародительский», не раз демонстрировал свое желание вернуться в подданство православного Царя¹⁵. При Екатерине II этот «странный» и «запутанный» вопрос решен: Восточная и Западная Русь «слились» в единую Российскую империю. С тех пор начинается русская история, а литовская история «умолкает»¹⁶.

Несмотря на протекцию со стороны министра народного просвещения С. С. Уварова, концепция литовской истории Н. Г. Устрялова не нашла поддержки в научной среде и оставалась в первой половине XIX в. единственным исключением из правил¹⁷. К прошлому Литвы многие исследователи относились с большим недоверием, как к чему-то чуждому. К. Н. Бестужев-Рюмин вспоминал, что Н. Г. Устрялову даже «ставили в вину то, что он внес литовское княжество в Русскую Историю»¹⁸.

¹³ *Ibid.*, с. 19–20, 41.

¹⁴ *Ibid.*, с. 39.

¹⁵ Устрялов Н. Г., *Начертание русской истории, для средних учебных заведений*, СПб.: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1842, с. VII.

¹⁶ Устрялов Н. Г., *Исследование вопроса...*, *op. cit.*, с. 42.

¹⁷ М. Е. Мегем, 2015, с. 19.

¹⁸ Бестужев-Рюмин К. Н., «Рецензия на книгу «Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410)». Соч. А. Барбашева. СПб., 1885, in: *Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества*, 1885, No. 10, с. 453.

⁹ М. Е. Мегем, 2015, с. 15.

¹⁰ *Ibid.*, с. 17.

¹¹ Устрялов Н. Г., *Начертание русской истории, для средних учебных заведений*, СПб.: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1842, с. VII.

¹² Устрялов Н. Г., *Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское*, СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839, с. 38.

Второе Польское восстание и новая трактовка литовской средневековой истории во второй половине XIX в.

Отношение к истории Литвы кардинально меняется после второго Польского восстания 1863–1864 гг., которое заставило отечественных исследователей по-новому взглянуть на литовский народ и его прошлое.

Польская «крамола» и «своеволие» – именно в таких тонах описывали ситуацию российские чиновники – привели к тому, что в январе 1863 г. в Царстве Польском вспыхнул мятеж, перекинувшийся в скором времени и на Западный край. Часть литовского населения поддержала антиправительственное движение первой половины 1860-х гг. Местная администрация полагала, что всему этому причиной являются «польские интриги», поэтому надобно бороться за «мужика», т. е. за литовского крестьянина, который по природе своей союзник России¹⁹.

После «Январского восстания» в Польше в российском обществе все чаще говорилось, что Россия исторически связана с Литвой, а «естественные связи» всегда оживают²⁰. Большую роль в формировании восприятия литовского народа во второй половине XIX в. в среде русской интеллигенции играл популярный публицист и политический деятель той поры А. Ф. Гильфердинг. В своих произведениях он характеризовал литовцев как народ, неспособный

создать свое собственное государство²¹, а территорию Литвы – как арену борьбы между поляками и русскими²². Он обосновывал причастность литовцев к «польскому бунту» тем, что балты в течение нескольких столетий находились под воздействием польской культуры. Литератор всячески подчеркивал, что российское общество долгое время относилось к литовской народности как к части Польши, тем самым лишая себя возможности освободить эту территорию от польских притязаний²³. Он сожалел, что даже после присоединения Литвы к Российской империи там остался польский порядок²⁴.

Действительно, «польскость» «восточных крес» до 1860-х гг. часто воспринималась как данность. Например, член Русского географического общества Р. Ф. Эркерт составил атлас западных губерний, который в первой редакции в 1863 г. был опубликован на французском языке под названием «Этнографический атлас областей, населенных сплошь или отчасти Поляками»²⁵. На это издание быстро отреагировал историк М. О. Коялович, по словам которого, само наименование атласа свидетельствует об утвердившейся мысли насчет господства «польского элемента» в Западной России²⁶. Буквально через год

²¹ *Ibid.*, с. 399.

²² Гильфердинг А., «Литва и Жмудь (363–385)», in: *Собрание сочинений*, м. 2, СПб.: Печатня В. Головина, 1868, с. 364.

²³ *Ibid.*, с. 376.

²⁴ *Ibid.*, с. 374.

²⁵ *Atlas Ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais*, St. Petersburg, 1863.

²⁶ Коялович М. О., *О расселении племен западного края России*, М.: Типография Бахметева, 1863, с. 3–5.

¹⁹ А. А. Комзолова, 2005, с. 33.

²⁰ Гильфердинг А., «Россия и ее инородческие окраины на западе (389–404)», in: *Собрание сочинений*, Т. 2, СПб.: Печатня В. Головина, 1868, с. 401–402.

на русском языке вышла еще одна работа Р. Ф. Эркерта, но уже с «идеологически верным» названием – «Взгляд на историю и этнографии западных губерний России»²⁷.

Для того чтобы изменить ситуацию, отечественным исследователям, писал А. Ф. Гильфердинг, необходимо прежде всего изучить литовский край: «если кого должно озабочивать положение Литовского племени, если кому нужно с ним познакомиться и привязать его к себе, так это России»²⁸. Публицист считал, что если мы узнаем, полюбим, оживим литовцев, то тем самым решим проблему полонизма²⁹. Незнание прошлого ВКЛ российской интеллигенцией осознавалась как проблема³⁰. Один из лидеров славянофильского движения И. С. Аксаков в своей переписке жалуется М. О. Кояловичу на русскую образованную публику, отличающуюся совершенным невежеством во всем, что выходит за пределы учебников Вебера, Бальби и Риттера³¹. Попечитель Виленского Учебного Округа И. П. Корнилов в письме к историку М. П. Погодину подчеркивает, что предмет первостепенной важности – это разработка западнорусской истории, а перед этим необходимо провести археографические изыскания.

²⁷ Эрkert Р. Ф., *Взгляд на историю и этнографии западных губерний России*, СПб.: В типографии Дома Призрения Малолетних Бедных, 1864.

²⁸ Гильфердинг А., «Литва и Жмудь (363–385)», in: *Собрание сочинений*, Т. 2, СПб.: Печатня В. Головина, 1868, с. 364.

²⁹ Гильфердинг А., «Россия и ее инородческие окраины на западе (389–404)», in: *Собрание сочинений*, м. 2, СПб.: Печатня В. Головина, 1868, с. 400.

³⁰ А. Н. Филошкин, 2004, с. 598.

³¹ Скорее всего, И. С. Аксаков здесь ведет речь о немецком историке из Гайдельберга Г. Вебере, итальянском географе А. Бальби и немецком географе К. Риттере.

Наука должна стать на защиту государственных интересов и обличить поляков во лжи³².

Идея «русскости» западных губерний становится невероятно популярной в среде передовой русской интеллигенции. Например, историк и публицист М. П. Погодин в своих записках утверждал, что западные губернии – это неотъемлемая часть России, где поляки могут оставаться «только как Русские»³³. Рассуждая о литовцах и об их отношении к России, он задает резонный вопрос: «кто же может сказать, что Россия имеет на Литву меньшее право, чем Англия на Валлис или Франция на Бретань?». Для обоснования своего утверждения он ссылается на то, что литовский народ, наравне со славянскими и финскими племенами, долгое время платил дань русским князьям. Образовавшееся впоследствии Литовское княжество состояло по большей части из русских земель, а русский язык в государстве занимал господствующее положение³⁴. «Русское начало» превалировало в народе, даже на тех территориях, которые потом вошли в состав Польши. И только помещики из-за определенных для них выгод оказались «ополячены»³⁵.

³² «Письмо Попечителя Виленского Учебного Округа И. П. Корнилова к М. П. Погодину, от 28 января 1866 г., о необходимости усилить научную деятельность Округа», in: Корнилов И. П. *Русское дело в Северо-западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху*, СПб.: Типография А. С. Суворина, 1908, с. 351.

³³ Погодин М. П., *Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867*, М.: типография газеты «Русский», 1867, с. IV.

³⁴ Погодин М. П., «Исторические размышления об отношении Польши к России», in: *Ibid.*, с. 4.

³⁵ Погодин М. П., «Несколько слов о западных губерниях», in: *Ibid.*, с. 108.

Во второй половине XIX столетия политический, общественный и научный дискурсы, в которых ведется речь об «исконной» принадлежности западнорусских земель, впервые начинают работать в одной связке. В 1860-е гг. среди интеллигенции становится популярной концепция западнорусизма: Западный край – это коренные русские земли, которые являлись органичной частью княжеств Северо-Западной и Юго-Западной Руси, впоследствии они вошли в состав Литовско-Русского государства, после чего в течение трех веков подвергались ополячиванию. В настоящий момент данная территория – это Западная Россия³⁶, в которой «польские сепаратисты» продолжают плести свои интриги.

Конструирование истории Западной России, куда входило прошлое ВКЛ, было одним из основных инструментов создания новой панорамы восприятия этого региона. Историческая наука в этом сложном механизме идеологических практик позволяла, с одной стороны, закрепить Литву в сознании широкой общественности как «свою» территорию, с другой стороны – развенчать «польские мифы» и показать необоснованность польских притязаний на литовские земли. Второе Польское восстание и последовавшая за ним рефлексия по поводу понимания того, в каком отношении к России находится литовский народ, привела к разработке предмета «история Литвы» в отечественной историографии. Непокойные 1860-е гг. предопределили конфигурацию и тон

---

³⁶ Весьма символично, что в Вильно из Киева с 1864 г. было переведено издательство журнала «Вестник Западной России». Д. Сталюнас, 2003, No. 1, с. 284.

изложения литовской старины. В это время в исследованиях освещение преимущественно получают те события, которые свидетельствуют о законности российского владения западнорусскими областями и исторической нелогичности их вхождения в состав Речи Посполитой.

В этом свете важную просветительскую и интеграционную роль приобретает сюжет о Кревской унии 1385 г., который в научном дискурсе второй половины XIX в. предстает поворотным пунктом, изменившим «правильный» ход истории. Вина за произошедшие события возлагается на поляков, которые в отечественной историографии изображаются в черных красках и выступают в качестве грабителей, укравших литовские земли. Такая картина прошлого напрямую взаимосвязана с политической ситуацией в Российской империи 1860-х – 1870-х гг.

Причины Кревской унии в историографии второй половины XIX – начала XX вв.

В рамках данного нарратива важное место занимает описание причин, приведших к Кревской унии. Особый интерес эта тема вызывала у одного из главных противников «всего польского» историка М. О. Кояловича. Он полагал, что для подписания польско-литовского союза отсутствовали внутренние предпосылки, а его заключение было вызвано внешними и большей частью совершенно случайными обстоятельствами: существование в Польше «царственной невесты», которой был нужен выгодный жених, личные интересы правителей Литвы, расчеты литовских вельмож

и мелких князей, надеявшихся на большую самостоятельность в своей стране³⁷, а также необходимость совместной обороны Польши и Литвы от общего неприятеля – немецких рыцарей³⁸. И. И. Малышевский, продолжая мысль М. О. Кояловича, сетует, что этим союзом Ягайло пытался обезопасить себя не только от Тевтонского ордена, но и от усиливающегося Московского государства³⁹. По версии Н. П. Дашкевича, под видом унии Польша пыталась овладеть западнорусскими приобретениями Литвы⁴⁰. А. М. Андрияшев уверен, что поляки еще со времен Болеслава Храброго преследовали цель захватить эти земли⁴¹.

Ряд историков выдвигает на первый план субъективный, персональный фактор, повлекший ратификацию «беспочвенной» Кревской унии. В их трудах вся вина за такое развитие событий возлагается на литовского князя Ягайло. Изучая перипетии, предшествовавшие подписанию договора в Крево, М. П. Смирнов приходит к выводу, что для его заключения у «Ягелло» не было никаких существенных оснований: бал-

ты на протяжении XIII и XIV вв. постоянно совершали набеги на восточные польские территории⁴². Медиевист заключает, что подписание Кревской унии связано исключительно с личными интересами и характером литовского князя «Ягелло». М. П. Смирнов даже называет свое сочинение «Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею»⁴³. В свою очередь, представитель «западноруссизма» А. В. Ярушевич персонализирует унию, называя ее «Ягайловской», тем самым также перекладывая ответственность за подписание договора в Крево на князя Ягайло⁴⁴.

В подобного рода рассуждениях в качестве аргументов используются образы, очерняющие и дискредитирующие Ягайло. Он изображается в нелестном свете, превращаясь в правителя, который не может для своей страны сделать ничего полезного. Например, в работе М. П. Смирнова литовский князь характеризуется следующим образом: ленив и малодушен⁴⁵, более слаб, чем жесток; раздражителен⁴⁶, не имеет достаточной храбрости⁴⁷, любит предаваться бездействию и удовольствиям⁴⁸, «не глуп, но понимание

³⁷ Коялович М. О., *Люблинская уния, или Последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году*, СПб.: Газ. «Русский инвалид», 1863, с. 7–8.

³⁸ *Документы объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и к Польше*, СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1865, с. XXX–VIII.

³⁹ Малышевский И. И., *Западная Русь в борьбе за свою веру и народность*, СПб.: Синодальная типография, 1897, с. 37.

⁴⁰ Дашкевич Н. П., *Заметки по истории Литовско-Русского государства*, Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1885, с. VI.

⁴¹ Андрияшев А. М., *Очерк истории Вольнской земли*, Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1887, с. 232.

⁴² Смирнов М. П., *Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею*, Ч. 1, Одесса тип. П. Францова, 1868, с. 93, 99–100.

⁴³ *Ibid.*, с. 259.

⁴⁴ Ярушевич А., *Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время*, Смоленск: Типолит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896, с. 22.

⁴⁵ Смирнов М. П., *Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею*, Ч. 1, Одесса тип. П. Францова, 1868, с. 24, 29, 111.

⁴⁶ *Ibid.*, с. 35.

⁴⁷ *Ibid.*, с. 15.

⁴⁸ *Ibid.*, с. 19, 21, 24.

его слабо»⁴⁹, постоянно беспокоится за свою безопасность⁵⁰, «доброта его весьма странным образом сочеталась с жестокостью и деспотизмом»⁵¹, расточителен⁵², любит лести⁵³. И. И. Малышевский оценивает его как искачительно и склонного к предательству князя⁵⁴. А. И. Барбашев видит в нем недалекого властителя⁵⁵. Согласно М. О. Кояловичу, «Ягелло» унаследовал от своих предков только хитрость, которая не соединялась «ни с особенным умом, ни с энергией». Он был недалковиден и недейтелен⁵⁶, разборки в годы его правления говорят нам о том, что Ягелло не способен был возвыситься над своими родичами⁵⁷. Аналогичного мнения придерживаются С. Ф. Платонов⁵⁸ и Н. И. Петров⁵⁹. Все эти неприглядные качества дополняются соответствующим описанием внешности князя. У П. Д. Брянцева Ягайло – человек «среднего роста, худощав, с небольшой головой клином, покрытой редкими волосами; лицо его было продолговато, с узким лбом и маленькими, черными, бегающими и беспокойными глазами»⁶⁰.

⁴⁹ *Ibid.*, с. 112.

⁵⁰ *Ibid.*, с. 112–114.

⁵¹ *Ibid.*, с. 116.

⁵² *Ibid.*, с. 117.

⁵³ *Ibid.*, с. 118.

⁵⁴ Малышевский И. И., *Западная Русь в борьбе за свою веру и народность*, СПб.: Синодальная типография, 1897, с. 36.

⁵⁵ Барбашев А. И., *Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы*, СПб.: Типография Н. Н. Скороходова, 1885, с. VI.

⁵⁶ Коялович М. О., *Литовская церковная уния, Т. I*, СПб: Типография Н. Тихменева, 1859, с. 5.

⁵⁷ *Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше*, СПб: в типографии Эдуарда Праца, 1865, с. XXXVIII.

⁵⁸ С. Ф. Платонов, 1993, с. 85.

⁵⁹ *Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края*, СПб.: Типография Товарищества „Общественная Польза“, 1890, с. 84.

⁶⁰ Брянцев П. Д., *История Литовского госу-*

В работе М. П. Смирнова есть еще один примечательный факт. Одесский историк считает, что Ягайло был православленным, вследствие чего православные Литвы тянулись к нему, тогда как язычники «стеснились» около Кейстута⁶¹. В этом свете переход Ягайло в католичество и содействие католизации Литвы – это акт предательства, что также не добавляет литовскому князю уважения.

В конечном счете, генерируется представление о неспособности Ягелло быть достойным правителем: не удивительно, что бесосновательная уния ассоциируется именно с его деятельностью.

В противовес «деспотичному», «глупому» и «расточительному» Ягелло, исследователи создают позитивные образы других литовских князей: «Утенес – гроза немцев, воинственный Эрдзивил, Миндовг – первый победитель татар и глубокий политик своего времени», получивший от папы королевский венец⁶², умнейший и красноречивый Витень⁶³, «великий Гедимин, создавший великое княжество литовское, Ольгерд – удивление современников»⁶⁴, благородный Кейстут, который «верно сторожил род-

дарства с древнейших времен, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 207.

⁶¹ Смирнов М. П., *Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею*, ч. 1, Одесса тип. П. Францова, 1868, с. 23.

⁶² *Ibid.*, с. 19.

⁶³ Беляев И. Д., *Очерк истории Северо-западного края России*, Вильна: тип. А. Сыркина, 1867, с. 65.

⁶⁴ «Литва в отношении к России и Польше», in: *Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал / К. Гаворский. Октябрь, т. II*, Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1862, с. 178.

ную землю»⁶⁵ и величественный богатырь Витовт⁶⁶.

Чем больше времени проходило с момента второго Польского восстания, тем меньше политики и идеологии мы встречаем в исследованиях российских ученых. Историки 1890-х гг. – начала XX в. более взвешенно подходят к обсуждению предпосылок польско-литовского сближения. В их глазах внешние причины имели немаловажное значение для подписания договора в Крево, так как опасность со стороны Ордена являлась реальной. Следовательно, Польско-Литовская уния являлась событием, вытекавшим из сложившегося международного положения Литвы⁶⁷. Ф. И. Леонтович указывает, что, несмотря на существующий антагонизм, вражду между балтами и поляками, литовское руководство, ввиду немецкой угрозы, подписало договор с Польшей⁶⁸. Однако именно Польша, согласно автору, больше нуждалась в этом союзе⁶⁹. А. Е. Пресняков, развивая положения своего предшественника, делает вывод о том, что натиск крестоносцев наложил на междоусобицы Ягайло и Витовта, что расшатывало фундамент отношений в Литовско-Русском государстве. Литве в этих условиях была

необходима новая опора, которую литовский князь Ягайло нашел в союзе с Польшей⁷⁰. Кревская уния снимала польско-литовские противоречия и позволяла объединить возможности государств «для борьбы с немецко-венгерской силой»⁷¹.

Особое внимание внутривосточным причинам Кревской унии уделил М. К. Любавский. В Литве, утверждает ученый, не раз происходили события, свидетельствующие об антигосударственных устремлениях⁷². В XIV в. ВКЛ неоднократно подвергалось кризисам, «которые грозили молодому государству распадом». Под кризисами историк понимал борьбу за великокняжескую власть, происходившую между Гедиминовичами. Длительное время Литовско-Русскому государству удавалось собственными силами преодолеть опасность распада. Но в конце XIV в. началось соперничество за власть между Ягайло и Кейстутом, в результате чего наступил очередной кризис, для разрешения которого Ягайло был вынужден обратиться за помощью к Польше. После чего он решился на «инкорпорацию великого княжества в королевство Польское». Литовский правитель, соединяясь с Польшей, с одной стороны, удваивал военный потенциал обоих государств, с другой – укреплял свое собственное положение в ВКЛ, тем самым спасая «его от разложения». По мнению М. К. Любавского, не толь-

⁶⁵ Смирнов М. П., *Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею*, Ч. 1, Одесса тип. П. Францова, 1868, с. 19.

⁶⁶ *Ibid.*, с. 249–250.

⁶⁷ Филевич И. П., *Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. Исторические очерки*, СПб.: тип. В. С. Балашева, 1890, с. 1; Шмурло Е. Ф., *Курс русской истории: Русь-Литва*, т. 2, СПб.: Алетейя, 1999, с. 180; Шмурло Е. Ф., *История России*, Мюнхен: Град Китеж, 1922, с. 68.

⁶⁸ Леонтович Ф. И., «Правоспособность литовско-русской шляхты», in: *Журнал Министерства народного просвещения*, 1908, No. 3, с. 56.

⁶⁹ *Ibid.*, с. 56–57.

⁷⁰ Пресняков А. Е., *Лекции по русской истории. Том II. Выпуск 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство*, М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939, с. 75.

⁷¹ *Ibid.*, с. 77.

⁷² Любавский М. К., *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*, М.: Моск. худож. Печатня, 1915, с. 55.

ко личные интересы Ягайло, «но и государственные настойчиво рекомендовали» такой «образ действий»⁷³. Так, для М. К. Любавского именно внутренние кризисы в ВКЛ являлись ключевой причиной, повлекшей за собой первую польско-литовскую унию.

Итоги Кревской унии в историографии второй половины XIX – начала XX вв.

В дореволюционном нарративе существенное значение отводилось обсуждению итогов договора в Крево. Историки, полагавшие, что Кревская уния не имела реальных поводов для ее заключения, писали о ее «решительно не подготовленном»⁷⁴, «чисто внешнем»⁷⁵ и «некрепком» характере⁷⁶. М. О. Коялович называл унию «гражданским», «не очень тесным»⁷⁷ союзом двух резко различных государств⁷⁸, который мог разрушиться от самых маловажных причин⁷⁹. Польско-литовское соглашение, не приносящее видимых результатов, для А. В. Ярушевича «пустой

звук»⁸⁰. Литовское княжение в течение почти двух столетий, добавлял этнограф А. Н. Пыпин, сохраняло свою внутреннюю русскую жизнь и ревниво охраняло свою отдельность⁸¹. В конечном счете создавалась картина, согласно которой государственный союз Литвы с Польшей, не терпящей никакой другой религии, кроме католичества⁸², и имеющей совершенное иное внутреннее устройство⁸³, противоестественен, что подтверждает формальный характер результатов Кревской унии.

А. Е. Пресняков более обстоятельно расшифровывает отсутствие широких последствий Кревского договора. Автор подчеркивает, что основы унии изначально были слабы. Об этом свидетельствуют выступления Витовта против Ягайлы, которые начались сразу же после событий в замке Крево. К тому же у польско-литовского союза не было прочного социального фундамента, так как соглашение, на котором базировалась Кревская уния, династическое, а «династические основы литовского государственного строительства» слишком шатки. Это означает для А. Е. Преснякова, что союз мог иметь силу только «при господстве удельно-вотчинных воззрений на княжое владение»⁸⁴, которые, в

⁷³ *Ibid.*, с. 42–46.

⁷⁴ Брянцев П. Д., *История Литовского государства с древнейших времен*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 207.

⁷⁵ Беляев И. Д., *Очерк истории Северо-западного края России*, Вильна: тип. А. Сыркина, 1867, с. 121; *Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше*, СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1865, с. XXX–VIII.

⁷⁶ Пыпин А. Н., *История русской этнографии. Том IV. Белоруссия и Сибирь*, СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1892, с. 8.

⁷⁷ Коялович М. О., *Литовская церковная уния, Т. 1*, СПб.: Типография Н. Тихменева, 1859, с. 7.

⁷⁸ *Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше*, СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1865, с. XLII.

⁷⁹ *Ibid.*, с. XXXVIII.

⁸⁰ Ярушевич А., *Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время*, Смоленск: Типолит. инж.-мех. С. Гуревич. 1896, с. 24.

⁸¹ Пыпин А. Н., *История русской этнографии. Том IV. Белоруссия и Сибирь*, СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1892, с. 8.

⁸² *Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края*, СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1890, с. 46.

⁸³ Барбашев А. И., *Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы*, СПб.: Типография Н. Н. Скороходова, 1885, с. 116.

⁸⁴ Пресняков А. Е., *Лекции по русской истории, Том II. Выпуск 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство*, М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939, с. 79–81.

свою очередь, не получили распространения в Литовском государстве⁸⁵.

Своими соображениями о намерениях идеологов Кревской унии делится М. К. Любавский. Он указывает, что они предполагали совершить «инкорпорацию» ВКЛ в Королевство Польское: по смыслу данного в Крево обязательства Ягайло, «индивидуальное существование великого княжества Литовского прекращалось совершенно, и оно сливалось с короною Польской в одно политическое тело», что означало полную потерю Литовско-Русским государством самобытности и политической самостоятельности. Но эти планы в итоге не были реализованы⁸⁶. М. К. Любавский не оспаривает факт появления польской культуры в жизни Литовско-Русского государства, активизации усвоения идей и форм польской государственности после Кревского договора, но при этом отмечает, что само содержание этих форм диктовалось логикой внутреннего развития Литовско-Русского государства: до унии с Польшей в ВКЛ установилась «избирательность великокняжеской власти», сформировался влиятельный класс литовского панства, образовалась «дума литовско-русского государя». Таким образом, уния закрепила итоги социально-экономической эволюции ВКЛ и оформила их, наложив «на них клеймо польской государственности»⁸⁷.

Такая трактовка итогов Кревской унии А. Е. Преснякова и М. К. Любавского связана не с «антипольскостью»

их взглядов, а с тем, что Люблинская уния, по мнению ученых, имела большее значение, чем Кревская.

Называя польско-литовский союз 1385 г. формальным, ученые второй половины XIX в. попадали в некую логическую ловушку, так как тут же писали о его негативных, губительных последствиях для Литовско-Русского государства. Например, И. Д. Беляев с заключением Кревской унии отождествляет начало периода «темного времени»⁸⁸. А. Н. Пыпин фиксирует, что «русская стихия» и «литовский элемент» подпадают под политическое, культурное и религиозное влияние Польши⁸⁹. После унии, обращается к читателям М. О. Коялович, поляки заслоняют собой самобытные племена Западной России и их интересы⁹⁰, а также стараются разорвать русско-литовский союз⁹¹. О прерывании связи между русскими и литовскими народами пишет В. Б. Антонович. Он полагает, что Кревская уния не позволила русскому и литовскому элементам слиться в одно целое, так как соединение между ними, бывшее в XIV в. внешним и сцементированным исключительно политическими отношениями, не успело окрепнуть. Данные обстоятельства приводят к тому, что

⁸⁸ Беляев И. Д., *Рассказы из русской истории. История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. Книга 4. Часть I*, М.: Синод. тип., 1872, с. 291–292.

⁸⁹ Пыпин А. Н., *История русской этнографии. Том IV. Белоруссия и Сибирь*, СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1892, с. 7–8.

⁹⁰ Коялович М. О., *О расселении племен западного края России*, М.: Типография Бахметева, 1863, с. 5.

⁹¹ *Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше*, СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1865, с. XLVI.

⁸⁵ *Ibid.*, с. 101–102.

⁸⁶ Любавский М. К., *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*, М.: Моск. худож. Печатня, 1915, с. 46.

⁸⁷ *Ibid.*, с. 62–63.

Литовско-Русское княжество подчиняется чуждому началу соседнего государства, более слабого материально и несущим другую культуру⁹². Здесь В. Б. Антонович имеет в виду Польшу, которая после заключения союза в Крево активизирует католическую пропаганду на территории ВКЛ⁹³. Русские земли в этих условиях пытаются сохранить свои национальные начала и избежать объединения их с Польшей⁹⁴.

В итоге распространение польской культуры и противопоставление русского и литовского народов, согласно дореволюционным авторам, расшатывают основы Литовско-Русского государства⁹⁵, приводят к упорной борьбе внутри княжества русского, литовского и польского элементов⁹⁶, что в итоге не

лучшим образом сказывается на литовской государственности⁹⁷. С. Ф. Платонов утверждает, что большинство населения Литвы и всей Руси не хотели отказываться от своих обычаев⁹⁸. Разрушение старых порядков, продолжает петербургский профессор, служит источником эскалации конфликта «между всевластным дворянством и прочею бесправною массою населения»⁹⁹, а также возникновению культурной и национальной «вражды»¹⁰⁰.

Дореволюционные авторы не обходили стороной вопросы, связанные с внешнеполитическими результатами Кревского договора. Ученые, которые смотрели на ВКЛ как на государство, задача которого консолидировать русские земли, делали вывод о том, что союз в Крево лишил Литву возможности продолжить собирать русские земли и стать единственным общерусским центром. Авторитет Литвы в соперничестве с Москвой за лидерство был подорван¹⁰¹. П. Д. Брянцев подмечает, что литовцы теряют созидательную энергию и попадают в плен «чуждой национальности»¹⁰². В конце концов, заявляет он, от данного союза выигрывает исключительно Московское государство, поскольку религиозный и на-

⁹² Антонович В. Б., «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда», in: *Монографии по истории западной и юго-западной России, т. 1*, Киев: тип. Е. Я. Федорова, 1885, с. 4.

⁹³ *Ibid.*, с. 267–269.

⁹⁴ *Ibid.*, с. 229.

⁹⁵ Беляев И. Д., *Рассказы из русской истории. История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. Книга 4. Часть 1*, М.: Синод. тип., 1872, с. 289–290; Барбашев А. И., *Витовт, последние двадцать лет княжества 1410–1430*, СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1891, с. 118–119; Ярушевич А., *Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время*, Смоленск: Типолит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896, с. 5–7.

⁹⁶ *Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше*, СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1865, с. XLII; Бестужев-Рюмин К. Н., *Русская история*, СПб.: Типография А. Граншеля, 1885, т. 2, с. 52–53; С. Ф. Платонов, 1993, с. 86–87; Малышевский И. И., *Западная Русь в борьбе за свою веру и народность*, СПб.: Синодальная типография, 1897, с. 47; Брянцев П. Д., *История Литовского государства с древнейших времен*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 207–208; Дашкевич Н. П., *Заметки по истории Литовско-Русского государства*, Киев: тип.

Имп. Ун-та св. Владимира, 1885, с. 27; Беляев И. Д., *Очерк истории Северо-западного края России*, Вильна: тип. А. Сыркина, 1867, с. 120.

⁹⁷ Бестужев-Рюмин К. Н., *Русская история*, СПб.: Типография А. Граншеля, 1885, т. 2, с. 37–38.

⁹⁸ С. Ф. Платонов, 1993, с. 86–87.

⁹⁹ *Ibid.*, с. 91.

¹⁰⁰ *Ibid.*, с. 86–87.

¹⁰¹ Шмурло Е. Ф., *Курс русской истории: Русь-Литва, т. 2*, СПб.: Алетей, 1999, с. 190; Брянцев П. Д., *История Литовского государства с древнейших времен*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 3.

¹⁰² *Ibid.*, с. 52.

циональный антагонизм, возникший в ВКЛ после его сближения с Польшей, облегчает восточному соседу процесс собирания Руси. В этих условиях большинство восточных областей Литовского государства сами «толпами переходят к Москве»¹⁰³.

Исследователи начала XX в. не ограничиваются перечислением только отрицательных внешнеполитических итогов унии. Они указывают, что этот союз позволил Польше и Литве соединить силы для борьбы с общим врагом – Тевтонским орденом, могущество которого было сломлено объединенной коалицией Литвы и Польши в 1410 г. при деревнях Грюнвальд и Танненберг^{104,105}. Е. Ф. Шмурло к этому добавляет еще две выгодные стороны польско-литовского союза: во-первых, Литва могла более успешно продвигаться на Восток, во-вторых, Литва легче перенесла последствия поражения, нанесенного ханом Едигем на реке Ворскла в 1399 г.^{106,107}.

¹⁰³ *Ibid.*, с. 207–208.

¹⁰⁴ С. Ф. Платонов, 1993, с. 86, 162; Шмурло Е. Ф., *История России*, Мюнхен: Град Китеж, 1922, с. 69.

¹⁰⁵ С. Ф. Платонов, подводя итоги Грюнвальдской битвы, пишет, что Западная Русь, Литва и Польша победили Тевтонский орден. Примечательно, что Западная Русь в этом перечне стоит на первом месте, тем самым автор оттеняет вклад русских войск в знаменательную победу над Немецким орденом.

¹⁰⁶ Шмурло Е. Ф., *История России*, Мюнхен: Град Китеж, 1922, с. 69.

¹⁰⁷ В 1399 г. на р. Ворскла произошло ожесточенное сражение между коалицией, состоящей из литовских, русских, польских и немецких войск под предводительством Витовта, и силами Золотой Орды во главе с Эдигеем. В этой крупной битве коалиционные войска были полностью разгромлены, а планы Витовта на то, чтобы посадить своего ставленника в Золотой Орде, рухнули. Ип: Э. Гудавичус, 2005, с. 205–206.

В конце XIX в. «антипольскость» отечественных историков в свете суждений о проблематике Кревской унии уходит на второй план. Ученые фиксируют изменения, связанные с польско-литовским договором, но не окрашивают их в мрачные, негативные тона. Так, М. С. Грушевский не придает существенного значения Кревскому договору¹⁰⁸, но, тем не менее, замечает, что после его подписания начинается новый политический курс, в соответствии с которым Литовское государство незаметно перестраивается по польскому образцу: «Как будто и не трогало старого, но вводило новое, и последнее все меньше давало старому жить и существовать, не только развиваться»¹⁰⁹. М. В. Владимирский-Буданов указывает, что в XV в. под влиянием Польши в Литовском государстве эволюционирует государственное право¹¹⁰. После 1385 г. его коллега и еще один представитель киевской школы «западно-русского» права Ф. И. Леонтович рисует изменения политической и правовой основы как литовских, так и русских областей¹¹¹. Уния в Крево, продолжает он, повлияла на разложение начал

¹⁰⁸ Грушевский М. С., *Очерк истории украинского народа*, СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1906, с. 139–141.

¹⁰⁹ Грушевский М. С., *Иллюстрированная история Украины*, Донецк: БАО, 2006, с. 150–151.

¹¹⁰ Владимирский-Буданов М. В., *Очерки из истории литовско-русского права. Ч. I. Поместья Литовского государства*, Киев: тип. В. И. Завадского, 1889, с. 2.

¹¹¹ Леонтович Ф. И., *К истории административного строя Литовского государства. I, II. Словесный тип территориально-административного состава Литовского государства. Панский двор в Литовском государстве*, Варшава: тип. Варшавск. учеб. окр., 1899, с. 1–4.

земского единства¹¹², а также на появление первых следов сословного самоуправления шляхты¹¹³. Все это приводит к установлению совершенно иной территориально-административной и социальной системы, незнакомой для Литовско-Русского государства¹¹⁴. Историк права И. А. Малиновский обнаруживает, что Кревская уния «открыла широкий доступ в Литву польских политических идей»¹¹⁵. На протяжении XIII–XIV вв., отмечает он, в результате военных походов литовцы познакомились с аристократическим польским государственным строем. После 1385 г. польские идеи начинают преобладать в государстве, а аристократия становится привилегированным сословием, которое лимитирует «власть великого князя в свою пользу»¹¹⁶. Католическое духовенство, которое утверждается в государстве, также стремится ограничить права литовского руководителя¹¹⁷.

Одним из немногих дореволюционных ученых, в позитивном ключе вос-

принимавших Кревскую унию, был представитель киевской школы М. В. Довнар-Запольский. Он направляет критические стрелы в своих коллег, писавших во времена второго Польского восстания, замечая, что те при освещении эпизодов литовской истории были ослеплены национальными чувствами. Кревская уния для него – это начало грандиозного политического плана, который был претворен в жизнь во второй половине XVI в., явив миру объединение Польши и Литвы в результате Люблинской унии¹¹⁸.

«Антипольская» парадигма изложения литовской средневековой истории в историографии второй половины XIX в.

Во времена второго Польского восстания в России появились исследования, в которых поляки очернялись и представлялись народом, который смотрел на Литву исключительно как на свою добычу: «кроткими и насильственными мерами, переговорами и оружием, хитрою политикой и явной враждой против королей, постоянно стесняли права литовцев; захватывали их земли, и, наконец, в XVI веке достигли своей цели»¹¹⁹. В этом свете Кревская уния презентовалась как договор, навязанный Литве Польшей, которая не хоте-

¹¹² Земское единство, согласно Ф. И. Леонтовичу, неотъемлемый атрибут административно-правовой системы русских территорий. In: Леонтович Ф. И., «Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины», in: *Журнал Министерства народного просвещения*, 1895, № 6, с. 371.

¹¹³ Леонтович Ф. И., *К истории административного строя Литовского государства. I, II. Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства. Панский двор в Литовском государстве*, Варшава: тип. Варшавск. учеб. окр., 1899, с. 35.

¹¹⁴ *Ibid.*, с. 4–7.

¹¹⁵ Малиновский И. А., *Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России. Ч. 2: Рада Великого княжества Литовского. Выпуск I*, Томск: паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1904, с. 2–3.

¹¹⁶ *Ibid.*, с. 7.

¹¹⁷ *Ibid.*, с. 7–8.

¹¹⁸ Довнар-Запольский М. В., *Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г.: Исторический очерк*, М.: тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897, с. 23.

¹¹⁹ «Литва в отношении к России и Польше», in: *Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал / К. Гаворский*, Июль, т. I, Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1862, с. 1–2.

ла знать никакого права, «кроме права сильнейшего»¹²⁰.

Российские историки в 1860-е гг. обязательно писали об «исторической вражде»¹²¹, «неизбежной антипатии»¹²², негативном опыте сосуществования балтов и поляков¹²³. П. Д. Брянцев позднее добавлял, что русско-литовские отношения, в отличие от польско-литовских, до унии были мирными¹²⁴. Он считал, что такая тесная, дружественная связь между русскими и литовцами являлась следствием «глубокого природного гуманного чувства, присущего русской нации»¹²⁵, к тому же у русских не было намерения покорить литовцев, что, в свою очередь, было свойственно полякам¹²⁶. Н. П. Дашкевич делает упор

на том, что русская цивилизация распространялась среди литовцев мирным путем, тогда как утверждение польской культуры было «результатом двухвекowego насилия и ухищрений»¹²⁷. Такие репрезентации использовались для того, чтобы еще раз обратить внимание читателей на идею, согласно которой польско-литовское сближение не вытекает из логики развития Литовского государства.

В творчестве западнорусистов¹²⁸ Польша часто отождествляется с католической церковью, которая многими авторами воспринимается как настоящее зло, потому появление в Литовско-Русском государстве католичества для них – еще один маркер, удостоверяющий губительные последствия Кревской унии. Распространение «латинской пропаганды» среди литовцев М. О. Коялович расценивает как «насильственный переворот»¹²⁹. В противовес Полоцку, давшему литовцам цивилизацию, И. Д. Беляев ставит Польшу, которая насаждает здесь «латинство», представляющее собой «страшное разьедающее начало»¹³⁰. И. И. Малышевский резюмирует, что латино-поль-

¹²⁰ „Литва в отношении к России и Польше“, in: *Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал / К. Гаворский*, Сентябрь, т. I, Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1862, с. 135.

¹²¹ Коялович М. О., *О расселении племен западного края России*, М.: Типография Бахметева, 1863, с. 16.

¹²² Коялович М. О., *Люблинская уния, или Последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году*, СПб: Газ. «Русский инвалид», 1863, с. 7.

¹²³ Смирнов М. П., *Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею, Ч. I*, Одесса тип. П. Францова, 1868, с. 148–149; Ярушевич А., *Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время*, Смоленск: Типолит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896, с. 6–7; Беляев И. Д., *Очерк истории Северо-западного края России*, Вильна: тип. А. Сыркина, 1867, с. 92.

¹²⁴ Брянцев П. Д., *История Литовского государства с древнейших времен*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 78–80, 83; Брянцев П. Д., *Очерк древней Литвы и Западной России*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1891, с. 9–10; Дашкевич Н. П., *Заметки по истории Литовско-Русского государства*, Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1885, с. 34, 93.

¹²⁵ Брянцев П. Д., *История Литовского государства с древнейших времен*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 80.

¹²⁶ *Ibid.*, с. 2.

¹²⁷ Дашкевич Н. П., *Заметки по истории Литовско-Русского государства*, Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1885, с. 34, 93.

¹²⁸ С именем М. О. Кояловича связано формирование «западнорусской школы» историков на кафедре гражданской истории Санкт-Петербургской духовной академии. По их мнению, Западный край – это исконные западнорусские земли, которые Польша незаконно присвоила себе.

¹²⁹ *Документы объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и к Польше*, СПб: в типографии Эдуарда Праца, 1865, с. XLII.

¹³⁰ Беляев И. Д., «История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии», in: *Рассказы из русской истории*, М.: Синод. тип., 1872, с. 69.

ские ксендзы и епископы, не взирая на авторитет православия в ВКЛ, собирались подчинить римской церкви литовские и западнорусские земли¹³¹. Первая польско-литовская уния для него – это начало «четырехвековой борьбы за свою веру и народность»¹³². Соперничество за религиозную равноправность «коренных греко-русских начал» и «польско-латинских начал» в интерпретации А. В. Ярушевич привела к «полному ослаблению внутренних сил и к политической смерти» польско-литовского государства¹³³.

В обличительных произведениях 1860-х гг. приводятся данные о том, что поляки сознательно старались уничтожить в Литовско-Русском государстве все памятники русской жизни и православия¹³⁴. Их конечная цель – предать забвению воспоминания о родстве Восточной и Западной Руси¹³⁵. Поляки, по мысли одного из ярых противников польской шляхты П. Н. Батюшкова, навязали Литве и Жмуди много чужого и враждебного Руси¹³⁶ и наложи-

ли на этот край «польско-католическое ярмо»¹³⁷. Следовательно, разделы Речи Посполитой во второй половине XVIII в. есть не что иное, как «заслуженная историческая кара» полякам за то, что они прервали естественный генезис Литовско-Русского государства и присвоили литовско-русские земли. М. О. Коялович уверен, что Екатерина II вернула себе только свое и «довершила не более как то, что целые века выработала история, т.е. распадение на две половины Литовско-польского государства»¹³⁸. В серии историко-публицистических статей «Литва в отношении к России и Польше», вышедших в 1862 г.¹³⁹, литовцы изображались «родными детьми», возвратившимися после вековых волнений к домашнему очагу¹⁴⁰. Присоединение литовских территорий к Российской империи презентовалось как освобождение Литвы от насилия Польши¹⁴¹, изменение судьбы Литвы к лучшему и исполнение желаний литовцев: быть под скипетром российских самодержцев¹⁴². Поляки в имперском дискурсе подобного рода играли роль «похитителей» и «налетчиков», веками

¹³¹ Малышевский И. И., *Западная Русь в борьбе за свою веру и народность*, СПб.: Синодальная типография, 1897, с. 38.

¹³² *Ibid.*, с. 31.

¹³³ Ярушевич А., *Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время*, Смоленск: Типолит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896, с. 5–7.

¹³⁴ «Литва в отношении к России и Польше», in: *Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал / К. Гаворский*, Июль, Т. I, Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1862, с. 1–2.

¹³⁵ Лебедин М. О., «О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи», in: *Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал / К. Гаворский*, Октябрь, т. II, Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1862, с. 5.

¹³⁶ *Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края*, СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1890, с. 2.

¹³⁷ *Ibid.*, с. 4.

¹³⁸ *Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше*, СПб: в типографии Эдуарда Праца, 1865, с. CLVI.

¹³⁹ К сожалению, авторство произведения не известно. «Литва в отношении к России и Польше», in: *Вестник Юго-западной и Западной России*, 1862/63, т. I, июль, отд. II, с. 1–16; авг., с. 17–32; сент., с. 114–135; т. II, окт., с. 177–189; ноябрь, с. 203–219; дек., с. 241–260.

¹⁴⁰ «Литва в отношении к России и Польше», in: *Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал / К. Гаворский*, Декабрь, Т. II, Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1862, с. 260.

¹⁴¹ *Ibid.*, с. 259.

¹⁴² *Ibid.*, с. 256.

домогавшихся власти над литовцами, которые оказывались жертвой польских притязаний¹⁴³.

Образ Кревской унии в дореволюционной историографии XIX – начала XX вв.

Неактуальность литовской истории, восприятие литовского прошлого как «чужого» в первой половине XIX в. предопределило слабый интерес к проблематике Кревской унии. Ситуация изменилась после первого Польского восстания 1830–1831 гг. Осмысление причин «польского бунта» и степени участия, которое приняли в нем литовцы, побудило по-новому трактовать историю Литвы, представив ее прошлое как «наше». Первым ученым, включившим прошлое Литвы в русскую историю, стал петербургский историк Н. Г. Устрялов. В концепции «Русской Литвы» Н. Г. Устрялова Кревская уния являлась точкой исторического излома, повлекшего за собой притеснения русской народности в Литовском государстве, а также отсрочившего объединение Западной и Восточной Руси. Так были заложены кирпичики в фундамент отрицательного образа Кревской унии, который стал активно эксплуатироваться архитекторами имперского национал-строительства в 1860–1870 гг.

Во второй половине XIX в., после «Январского» восстания, умы власть имущих заняла проблема «полонизма» и «сепаратизма» среди населения Западных губерний Российской империи. В общественно-политическом и научном дискурсах литовское прошлое

рассматривалась как «чуждая» нам, пропольская история. Незнание литовской старины отечественной интеллигенцией признавалось проблемой.

Имперские идеологи задались вопросом о необходимости включения территории Литвы в ментальное пространство Российского государства. С этой целью была разработана система идеологических практик, в которой историческая наука являлась одним из действенных орудий. Перед учеными была поставлена задача интегрировать литовское прошлое в официальную концепцию российской истории. Для этого была реанимирована конструкция литовского прошлого Н. Г. Устрялова, дополненная актуальными, связанными с современной политической и социокультурной действительностью историческими сюжетами. В итоге была нарисована живописная картина литовской старины, в которой Западный край Российской империи представлялся как коренные русские земли, подвергшиеся ополячиванию. Территория Литвы в этой концепции инкорпорировалась в западнорусское пространство. Подобного рода историческая реконструкция позволяла делать вывод о том, что разделы Речи Посполитой являются восстановлением исторической справедливости. «Наши» земли после долгих скитаний вернулись в лоно Российской империи, но польские заговорщики продолжают здесь плести свои интриги.

Таким образом, в отечественной историографии над фундаментом литовской истории, заложенным в первой половине XIX в., возводится каркас и крыша официального «русского» прошлого Литвы. Сюжет о Кревской унии в

¹⁴³ Л. Е. Горизонтов, 2001, с. 148.

этом нарративе занимает важное место, разъясняя читателям, почему Западный край Российской империи стал ополячен: случайный и беспочвенный польско-литовский договор является поворотным пунктом, изменившим «правильный» ход истории Литовского государства, а поляки оказываются «грабителями», укравшими русские земли.

Второе Польское восстание определило оптику и задало параметры интерпретации Кревской унии в отечественной историографии. В XIX в. на генерацию образа Кревской унии влиял симбиоз «антипольскости» исторического нарратива¹⁴⁴ и представлений о литовском прошлом как о «нашем». Перцепция соглашения в Крево коррелирует с оценками Польского восстания, которое в российском общественном мнении представлялось в негативном свете.

Подавляющая часть ученых сетуют на то, что после 1385 г. польская цивилизация заслоняет собой русскую составляющую ВКЛ, нарушая тем самым гармоничную эволюцию государства, противопоставляя русский и литовский народы, а также задерживая неотвратимое объединение Восточной и Западной Руси. Польско-литовское соглашение для историков второй половины XIX в. оказывается точкой бифуркации средневекового русского прошлого Литвы. Так, Кревская уния закрепляется в перечне отрицательных для русской истории событий.

В большинстве дореволюционных исследований второй половины XIX в.

Кревская уния рассматривается как исходный пункт регресса самобытной литовской государственности, как отправная точка гибели ВКЛ¹⁴⁵. В свою очередь, для Польши союз с Литвой – лишь временное спасение, отсрочившее его закономерное падение на четыре столетия¹⁴⁶. Если И. И. Костомаров объясняет начало заката Литвы после Кревской унии тем, что балты выполнили свое историческое предназначение, создав Литовское княжество и разбудив «русского богатыря»¹⁴⁷, то для других ученых такой ход событий связан с влиянием Польши и «ложным» вектором развития¹⁴⁸. Падение Литвы для дореволюционных авторов неизбежно, так как западная культура, привнесенная поляками, противилась принципам, на

---

¹⁴⁵ Коялович М. О., *Чтения по истории западной России*, Минск: Беларус. Энцыкл., 2006, с. 131; Брянецв П. Д., *История Литовского государства с древнейших времен*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 207; Дашкевич Н. П., *Заметки по истории Литовско-Русского государства*, Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1885, с. 101; С. Ф. Платонов, 1993, с. 162; Ярушевич А., *Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время*, Смоленск: Типолит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896, с. 5–7.

¹⁴⁶ Брянецв П. Д., *История Литовского государства с древнейших времен*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 208.

¹⁴⁷ Костомаров Н. И., «Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории», in: *Русское слово*, 1860, № 5, с. 66–77.

¹⁴⁸ Коялович М. О., *Чтения по истории западной России*, Минск: Беларус. Энцыкл., 2006, с. 131; Брянецв П. Д., *История Литовского государства с древнейших времен*, Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1889, с. 207; Дашкевич Н. П., *Заметки по истории Литовско-Русского государства*, Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1885, с. 101; С. Ф. Платонов, 1993, с. 162; Ярушевич А., *Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время*, Смоленск: Типолит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896, с. 5–7.

---

¹⁴⁴ Во второй половине XIX в. в «большой России» «антиполонизм» был характерен не только для научного, но и для общественного дискурса. Полонофобия консолидировала русских националистов.

которых зиждилось могущество Литовского княжества¹⁴⁹. Русская основа литовско-русского организма являлась необходимым условием существования и процветания Литвы. Кревская уния для историков, воспринимающих ВКЛ как «Другую Русь», – одно из центральных событий литовской средневековой истории, определивших смену парадигмы исторического развития литовско-русских земель.

Примечательно, что содержание, процесс и заключение Кревской унии не привлекают внимания отечественных ученых, поэтому интерпретация данного эпизода не отличается широтой мнений.

На переломе веков негативные оценки Кревской унии, связанные с отрицательным отношением к Польше, в боль-

шинстве исследований либо исчезают, либо отходят на второй план. Чем больше времени проходило с момента второго Польского восстания, тем меньше идеологии и политики встречается в исследованиях ученых. На смену эмоциональному и отчасти конъюнктурному восприятию приходят взвешенные выводы. В этом свете Кревская уния рассматривается как соглашение, заключение которого имеет под собой некие основания. В этом дискурсе Польша оказывается в роли неявного сподвижника Литвы в борьбе со внешним и внутренним противником, расшатывающим основы ВКЛ. При этом результаты Кревской унии анализируются вне антипольской картины прошлого. Уход «антипольскости» из отечественной науки в конце XIX – начале XX вв. деактуализировал в российской историографии сюжет о Кревской унии. В глазах историков начала XX в. Люблинская уния являлась куда более значимым событием в истории ВКЛ, нежели польско-литовский договор 1385 г.¹⁵⁰

¹⁴⁹ Русская концепция литовского прошлого отбирала у балтов право на существование вне русского мира. Например, автор серии статей «Литва в отношении к России и Польше» приводит данные о том, что с самого начала литовской истории обнаруживается борьба Литвы со своими соседями, и кто победит, тот и будет иметь возможность влиять на преобразование литовцев («Литва в отношении к России и Польше», in: *Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал* / К. Гаворский, Июль, Т. I, Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1862, с. 1). Периодизация истории Литвы базировалась на позиции принадлежности Литвы либо к русской, либо к польской культуре. Многие отечественные ученые воспринимали Литву сперва как объект влияния русско-православной, а после подписания Кревской унии – польско-католической цивилизации. В результате литовцы оказываются народом, который постоянно впитывает в себя элементы чужой культуры, тем самым теряя часть своей самобытности. При этом литовцы в большинстве репрезентаций не могли воздействовать на русских и поляков вследствие того, что сами находились на более низкой ступени развития. Реконструкция литовского средневековья происходила в рамках трех временных отрезков: древнейший «независимый» период истории Литвы, этап литовско-русского взаимодействия и фаза польско-литовской государственности.

¹⁵⁰ По М. К. Любавскому, самым главным итогом Кревской унии был тот факт, что признание польского суверенитета над Литвой «сделалось юридическим основанием позднейших польских домогательств в отношении великого княжества, приведенных при благоприятных обстоятельствах к реальной унии обоих государств» (Любавский М. К., *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*, М.: Моск. худож. Печатня, 1915, с. 53). После этого Литовско-Русское государство полностью объединяется с Польшей, а западнорусские и литовские земли отчуждаются от Северо-Восточной Руси. На этом отдельная история Литовско-Русского государства заканчивается, и начинается история Речи Посполитой (Любавский М. К., *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*, М., 1915, с. 3).

БИБЛИОГРАФИЯ

Горизонтов Л. Е., 2001 – Л. Е. Горизонтов, «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия», in: *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*, М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

Гудавичюс Э., 2005 – Э. Гудавичюс, *История Литвы, Т. 1: С древнейших времен до 1569 года*, М.: Фонд им. И. Д. Сытина: VALTRUS, 2005.

Карамзин Н. М., 2003 – Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, М.: Эксмо, 2003.

Комзолова А. А., 2005 – А. А. Комзолова, *Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ*, М.: Наука, 2005.

Мегем М. Е., 2011 – М. Е. Мегем, «Образ средневековой Литвы в историографии пер-

вой половины XIX века», in: *Вестник БФУ им. И. Канта*, 2011, № 12.

Мегем М. Е., 2015 – М. Е. Мегем, «Русская Литва в концепции Н. Г. Устрялова», in: *Вестник БФУ им. И. Канта*, 2015, № 12.

Платонов С. Ф., 1993 – С. Ф. Платонов, *Учебник русской истории*, СПб.: Наука, 1993.

Сталюнас Д., 2003 – Д. Сталюнас, «Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на Западных окраинах в период Великих Реформ», in: *Ab Imperio*, 2003, № 1, с. 284.

Филюшкин А. Н., 2004 – А. Н. Филюшкин, «Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского», in: *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*, 2004, № 4.

THE IMAGE OF THE UNION OF KREWO IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Maksim E. Megem

S u m m a r y

The article analyzes the image of the Union of Krewo, which is inherent to the Russian pre-revolutionary historiography of the 19th – early 20th centuries. In other words, the article describes how the researchers perceived the Polish–Lithuanian agreement of 1385. The historiography of the Union of Krewo is being analyzed taking into account the evolution of different approaches of Russian historians to the Lithuanian history.

In the first half of the 19th century Lithuania's past was perceived as "foreign", so all what was connected to the Union of Krewo haven't caused great interest in researchers. The situation changed after the first Polish uprising in 1830–1831. Understanding the causes of "the Polish rebellion" and the participation of Lithuanians in it caused to rethink the history of Lithuania, presenting its past as "our his-

tory". After the second Polish uprising which took place in 1863–1864, the ignorance of the Lithuanian history by local intelligents and its pro-Polish character were recognized as a problem. The architects of the imperial nation building start to think about the mental accession of Lithuania and the mental appropriation of its history. In response, the ideologized concept was formed, in which the Western region of the Russian Empire was portrayed as indigenous Russian lands influenced by intense polonisation. In this discourse, the Union of Krewo appeared as a turning point which changed the "right" course of the history of Lithuania, and the Poles found themselves in the role of "robbers" who stole a Russian land. The more time passed since the second Polish uprising, the less ideology and politics are found in the research of historians.

*Iteikta 2015 07 30
Parengta skelbti 2015 11 03*